

Полина БАРСКОВА

Прямое управление

книга стихотворений

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • ММХ

И предавайся будущю, бедная П.
Как бы онь ни племло тебя,
ни пеняло тебе,

Как бы в величельной, пестрой, черкешен толке
Ни ображались, ни шурились милые А и Б;
Ты оставайся сидеть на трубе.

Как бы тебя ни заматывал Эгар-дружок
Встать в утренней, перся орти мни
кружок,
где за фалтомом, мурдими звези, пастушок
По коридору большики бежит в
утренней рай,
эта прохлада сулит с волгарем отог,
Тот уж двойным управлением не
доверит.

Трару июль '09

Полина БАРСКОВА

Правое управление

книга стихотворений

ПУШКИНСКИЙ ФОНД
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ • ММХ

Б 26

ББК 84. Р7

Марка издательства работы
С. Семенова

В книге сохранены некоторые особенности
авторской орфографии и пунктуации

ISBN 978-5-89803-204-3

© П. Барскова, 2010

I

НОВАЯ ИЛИАДА

Сюзи Зонтаг пишет о войне.
Хорошо бы, собственно, и мне
Севастопольский зачать рассказ
И, как Зоценко, ипритный выпить газ.

Не могу. Хотела б — не могу.
Вот Вермеер — всё одну серьгу
Сотни лет пытался рисовать.
Так и я себя адресовать
Обществу не в состояньи. Мне
Хорошо, где дырочка в стене,
Где носок потерянный в углу
Как магнит притягивает мглу.

Дерптский жемчуг — жёлтая серьга.
Жёлтые российские снега.
Дедушка Чудинов Алексей
Похоронен, видимо, во всей
Нереальности, так Гегель говорил.
Смерти нет — так Гегель говорил.
Лишь ленивый так не говорил.

Я не знаю... Дар ли мой убог
Или же морально я грибок
Под ногтём народа моего,
Только я не знаю ничего.
Я не знаю, почему Конь Блед
Словно Конь Мюнхаузена пьёт
Эту жидкость красную. Она
Вытекает из него, черна,
Льётся-льётся в угол, где носок,
Где седой твой бьётся волосок
На твоей красивой голове.

Мой Патрокл, скажи, что делать мне
В этом разукрашенном шатре
На безукоризненном холме?

Мой Патрокл, известный мой солдат,
Пыльный мой, проглоченный копьем!
Я не знаю. Звёздочки глядят,
Как с тобой мы без тебя живём.

Мальчишу, конечно же, привет.
Только нам-то с этого чего?
Смерти нет. Возможно, что и нет.
Ничего нет больше, ничего.

Я исчезаю по частям.
Вчера моя нога
Не вышла ужинать к гостям,
Лишившись пирога.
Сегодня в зеркало смотрю,
На месте лба — тайга.

Когда пропал мой верный нос,
Я поняла без слов,
Что в темноту его унёс
Коварный Ковалёв.
Кому понадобился мой
Яичник — вот вопрос...

Недавно были лужи слёз —
С меня мизинчик слез,
Как вошь чужая, и пополз
В прозрачный зимний лес.
Мизинчик-зайчик — берегись!
Грядёт Рейнеке-Лис.
(Боюсь, чтоб пальцы на ногах
К нему не подались.)

Да нет, я понимаю их —
Со мною жизнь не мёд.
И вот, как рыбы с корабля,
Пуп скачет, мозг течёт
Куда подальше... А вчера
Я встретила на Вас,
Мой друг-и-брат-*et cetera*,
Скандално лишний глаз...

На нём виднеются ещё
Плевки моих обид,
А уж пылает горячо,
Как самовар гудит!
Что ж, я, прикрыв своё бельмо,
Отковыляла вбок,
Чтоб Ты по улице прошёл,
Двужоп и шестиног...

И вот пишу себе письмо,
Где подвожу итог:

*На берег большими шагами
Он смело и прямо идёт,
Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовёт.*

Предсердие, одна рука
Да на боку клеймо, —
Они со мной, со мной пока,
Хотя меж них темно,
Ещё пытается язык
Достать до нёба, но.

Мой язы-цок, мой язы — щёлк,
Болтайся, шевелись,
Ещё твой впитывает шёлк
Слюны и желчи слизь,
Ещё пыхтишь, как рыба-кит,
Чудовищен, суров,
И город на тебе шумит —
Неспящий город слов.

В ОЖИДАНИИ 30-ЛЕТИЯ

И поздно заводить друзей,
Водить в себя их как в музей:
Вот здесь особенная прелесть.
Тот шарик мёда, лучший сок
В балтийский перешли песок.
Зевки перекосили челюсть.

Живи уж памятью о тех.
В местах сомнительных утех
(И Конь там Блед, и ночь бела там)
В тебя входили без звонка,
От позвонка — до позвонка:
Учись, патологоанатом.
Шёл снег, и распадался атом.

Шёл снег и реки покрывал,
И людям веки закрывал,
И, словно спящая царевна
В прозрачном коконе своём,
Ты длилась ветрено и верно,
Когда в молчание вдвоём
Мы погружались, как медузы —
В пространство ночи под водой.
И малахитовые бусы
На шее (белой? золотой?)
Чернели? Тлели? Зеленели?
Светилась кожа, как волна.
Текли минуты и недели,
И я тобой была полна,
Как женихом, ребёнком, словом,
И косточкой — осенний плод.

Каким же воплощеньем новым
Я замену тот первый, тот

Единственный неловкий опыт
Неразделения на два?
То смех, то сон, то крик, то шёпот.
Я знаю — часть меня мертва,
Которая тогда умела
Прощать и сразу — превращать.

Шёл снег, всё было мутно, бело.
Лишь площадь за рекой чернела,
Как под прошением печать.

ПРОГУЛКИ ПО МОНТЕРРЕЮ

Младенец, полный молока,
Похожий на кувшин,
Твоя мышиная рука
Касается вершин,
Мерцает нежная башка,
Как ночью — апельсин.

Рассеян, сладостен твой взгляд,
Скользкий мимо нас,
Ты холодишь меня, как яд,
И веселишь, как газ.
В меня ты поселяешь дрожь,
Томление, печаль,
Ты у меня моё крадёшь,
Ты тайно, по ночам,
Жуя покорный мой сосок,
Урча и хлопоча,
Из сердца вынимаешь сок,
И твой комический носок
Торчит, как у грача.

Я как желала, так жила:
Лгала, крала, спала.
И вот — как чёрный клюв орла,
Как жаркая скала,
Как искупительная цепь,
Явилась ты ко мне.
Ещё твой голос не окреп,
Но ты уже — лицо и цель,
Но ты уже мой сон, мой хлеб,
Орёл, висящий в вышине,
И крылья на спине.

Твоя улыбочка жалка,
Ухмылочка — слаба,

Горячий лёд — твоя рука,
А я — твоя раба.
Твой важный шорох,
Нежный писк —
Верховный мой приказ.
Из всех надменных ярких лиц,
Из всех желанных глаз
Ты: облик обморок оброк.
Ты: сладкий хохоток.
В руке зажатый номерок.
Обкусан ноготок.
Над океаном птиц полёт
И облаков возня.
Ты искривила бледный рот.
Твоей руки горячий лёд
Всего важнее для меня,
Но так любить нельзя.

Нельзя с повинною главой,
Как пёс — следы в крови,
Затылок тёплый нюхать твой
И плакать от любви,
Нельзя вылавливать во тьме
То очерт, то звучок...
Нельзя тебе так верить мне.
Никто не должен верить мне.
Ты слышишь, дурачок?

Нельзя, покуда я жива,
Покуда я есть я,
К тебе примешивать слова,
К словам примешивать тебя;
Над океаном птиц полёт
И в небе — острова.
Над океаном — птиц полёт,
Тюлени на камнях.
Твоей руки горячий лёд
Всего милее для меня.
Тюлень разбуженный поёт,
И бьёт его волна.

ПЕРВАЯ ФРОСИНА ПЕСНЬ

*Памяти
Алексея Львовича Хвостенко*

Тёмный домик за рекой,
Мятный пряник за щекой.
У меня сегодня счастье —
Что мне воля и покой?

Счастье острое как нож,
Счастье пёстрое как сон,
Счастье быстрое как вошь,
Счастье сильное как конь,

Дай понюхаю тебя —
О как сильно: здесь и там.
Вот Архангела труба
Прижимается к губам
С горькой силою своей
С песней милою своей.
Что, скажи, всего печальней?
Что, ответствуй, веселей?

Коржик — три копейки дай,
Бублик — пять копеек дай,
Папа, восемь дай копеек —
В бездне памяти не тай!

Если б жил ты на земле,
Ты бы крошечку качал.
Невозможное, пустое
Счастье счастье обещал.

Моё счастье — вот оно.
Смотрит серыми глазами.

Смотрит белыми глазами.
Всё, скажу, предрешено.
Ты прижмись поближе к маме,
Будем мы смотреть в окно.

Тёмный домик, чёрный лес.
Искажения небес.
Летят Ангел да Архангел,
А над ними кружит бес.

ВТОРАЯ ФРОСИНА ПЕСНЬ

Поцелую в лысинку,
Поцелую кисоньку.
Всё-то тебе хаханьки,
Вся ты как из сахара.
Ты — снежок мой розовый
(Сислей, Писарро).
Ты — мой сок берёзовый:
Кому-то ничего
Особенного, мне же —
сладость, не вернуть.
Где же где же где же?
Ну ладно, как-нибудь.

Поцелую в ямочку,
Поцелую в лапочку.
Сумочку и самочку.
Стоптанную тапочку.

Давай ляжем — полежим.
Пройдёт время и Б-г с ним.
Пройдёт жизнь и ладно.
Нам с тобой не стыдно.
Не стыдно, не досадно,
Не скушно, не обидно.
Мы с тобою — как в стручке,
Как в стручке, как в гамачке,
Как в сачке, как в колпачке,
Мы с тобой — в твоём зажатом, грозном, сонном кулачке.

АВТОМАТИЧЕСКОЕ ПИСЬМО ТЕБЕ

Бывалая Лёгкость вернулась ко мне
Верхом на гремящем данайском коне.
Она протянула мне руку.
Сказала — окончим разлуку.

Но я покачала тогда головой
И дальше по гулкой пошла мостовой.

Я носом тогда шевелила ещё,
Вдыхала различные звуки:
Вверху — непонятно, внизу — горячо,
А сбоку — то локти, то люки.

Но Лёгкость за мною гналась по пятам
По трамвайным путям, по узорным плитам,
А я, как известный Евгений,
Бежала подобных гонений.

И вот мне раскрылся внезапный приют,
Где в нарды играют, паёк подают,
Там были мне место и слава,
И Лёгкость урчала лукаво.

Но я разгадала чудовищный план
И в самую полночь, как Фанни Каплан,
Пальнула в прельстителя наций —
В роскошную Лёгкость Акаций.

Часы зашипели, цветы задышали,
Наперсница в супрематической шали
На маленькой кухне поставила чай,

И Некто темнел надо мной, как причал
Пустой, с точки зрения рыбы.
Мы все не смогли, но могли бы.

И Тот, Кого Нету, и Тот, Кого Нет,
Вошли и сказали: «Ну то-то, привет!
Боялись мы, честно признаться,
Что Лёгкость сумеет угнаться...»

И я улыбнулась в твои волоса —
И счастья пред нами прошла полоса —
И молния как шаровая
Сквозь стену ушла, остывая.

РУКОПИСЬ, НАЙДЕННАЯ НАТАШЕЙ РОСТОВОЙ ПРИ ПОЖАРЕ

я конечно постараюсь жить на свете без тебя
вот немного постараюсь и привыкну без тебя
только знаешь мой любимый как же можно без тебя
ты ведь мне необходимый как я буду без тебя

Кем я буду без тебя?

Я любим предметом буду,
Человеком я любим.
Всё равно мне, с чем сливаться,
Превращаться мне в кого.
Хочешь, стану этот поезд.
Может, стану этот дым.
Или стану педерастом,
Злым китайцем Джонни Vaugh.
Человек один на свете беззащитен, как бревно.

То волна его пинает, то Ильич его несёт,
То пила на нём играет, то песок его сосёт.
И поэтому, наверно, чтоб уж так-то не страдать,
Он и ветром, и пилою, и тираном должен стать.

Но водою я не стану и не стану я огнём.
Вы — эфесские ребята — уж побудьте ни при чём.
Лучше стану я зигзицей, лучше стану я ресницей,
Или лучше — власяницей — поплотней к тебе прилечь.

Иль предлогом там, частицей... Потому что только речь
Хоть на миг да озаряет это смутное чело.
Полетает, поиграет. Что случилось? Ничего.
Что-то было? Нет — не было.

То, что было, не сказать.
Говорят, огня без дыма
Не бывает. Значит, стать
Кучкой дыма мне придётся
Над отвергнутой Москвой.
Утешать — кого придётся
Под кибиткой кочевой.

МАГИ

А. Л. Верлинскому

— Ты не находишь?
— Нет, я теряю. Часы, ключи,
Путеводители, деньги, звезду в ночи.
Если б меня послали нести дары
Чудо-ребёнку, так бы и ждали, сидя у конуры...
В смысле, у хлева... В смысле, у яслей... Видишь, я даже нить
Мысли теряю... Мне ли на Минотавра с вилами выходить?

Минотавр — это хищная разновидность кентавра.
Все они в свой черёд
Под кнутом эволюции превратились в велосипед,
На котором берлинской ночью, густою, что липов цвет,
Я вращаюсь по парку, похожему на браслет

На запястье прислужницы в тех яслях... на тёмной доске в углу
Галерейной невнятицы... У ней на ночном ветру
Слёзы катятся из неподвижных вишнёвых глаз...
И вокруг неё столпотворенье. Откуда? В тишайший час
Человечества? Но кто толковал сие
Сновидение Библии, тот видел не острие
Инструмента религии, вонзившегося в ту ночь,
А базарную давку волхвов, петухов и проч.
Как мне нравятся эти бесстыдство и спешка:

с криком «Держи вора!»

Всё впихнуть в свой пропахший сеном и салом худой мешок:

Этот волхв преподносит жабу, тот — птицу, тот — комара,
Тот — совсем уж пропащий — дымящийся ком кишок,
От ягнёнка оставшийся... Повсюду возня, игра,
Крики, бляенье, хохот... Сказала уже — возня
Персонажей Писания... Иосиф: «Сюда нельзя!»

Завывает и загораживает жену,
И младенец её от страха отрыгивает слюну...

Вот он, собственно, из-за которого весь сыр-бор,
Он лежит на её коленях, пунцовый, как мухомор.
Лишь клинически отвлечённый ум различил бы в нём
Придающего Стройность Бесчинству,

В Котором Живём-Умрём.

Остаётся лишь верить на Слово. Может, и вправду так.
Потому что даже на этой картинке привычный мрак
Расступается перед ним, как толпа — пропустить царя,
И за ним сгущается снова. Нескоро ещё заря.

ШОПЕН

И. П.

Он рассыпается, как узелок Гекатин,
Прогрызенный расчётливою крысой.
Как ногти мёртвые лиловых виноградин,
Он растекается по телу Диониса.

Дождь затихающий, как детское рыданье,
Уткнувшись в тёплое и шмыгая помпезно.
Дождь затихающий, как влажное свиданье:
Дрожит и хлопает пружинное железо.

Дождь, заполняющий тень марианских впадин
Унылой памяти, бескровной и бескрайней.
Мой дождь, что мною у меня украден.
Дождь прелых, пресных питерских окраин.

Сойди у булочной и поверни у рынка
Младенец слушает, как пойманная рыбка,
И ротик раскрывает треугольно,
Рыгает тоненько, насмешливо моргает.
Тебе не больно? Нет. Теперь не больно.
Горзовский утишительно играет.

Младенец слушает, головку наклоняя,
Слону пуская, смотрит он сюда.
Дождь затихает. Корчится Даная.
От наслажденья, может — от стыда.

МАТЕРИНСТВО И ДЕТСТВО

Ещё одно пражское впечатление

Неподалёку от места, где покоится Доктор Кафка,
Где были бы объяснимы сувениры, туристы, давка,
Там пустота, изумрудным плющом зарастает лавка.
Посижу-посижу да пойду.

Налево направо прямо.

Износившийся крест, унылая кошка, яма.

Подпоручик Такой-то, Аверченко, рядом — мама

Одного из любимых нами (тобой и мною)

Увлажнителей дум, укрывателей пеленою

Скушной правды о жизни (она-де подобна гною)

Вот лежит на обочине Праги. Одна, бедняга.

И могила над ней — неряшка и растеряха,

И сидит над ней и чешет живот дворняга,

И мычит вдали таинственным шумом Прага.

Вот лежит на окраине Праги, под влажной хвоей.

Так темно и тихо. Я думаю, Дафнис с Хлоей

Беспрепятственно здесь предались бы своим забавам

На ковре смолисто-душистом, живом и ржавом.

На окраине Праги лежит его мама, та, что

Поливала его в тазу из ковша и пела.

И ему казалось, что вся она — словно башня,

В темноту уходило, взлетало, вздымалось тело

Великанши, а он был комочком, комком и комом

Под её рукой — комочком, комком и комом.

От её руки тянуло теплом и домом

В те поры, когда нигде уж не пахло домом

Для него. Но даже это тепло и прелесть,

И прозрачность её, и мнительность, и картавость,

Как любые формы любви, наконец, приелись,

Ничего не осталось.

Умирала она одна — он не смог приехать,

Расценив подобный порыв — как порыв, как прихоть.

И остался там, где сидел: за столом, *в очочках*,

Кошка мрачно копалась в оставленных ей кусочках,
Птица круглым безжизненным глазом смотрела прямо,
И ему сказали, что в Праге скончалась мама.
Горе горе и горе — он голый лежит на белом,
А она смеётся в своей вышине, как башня,
И жемчужным телом и звёздным телом и снежным телом
Закрывая от слова «странно» и слова «страшно».

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВЕНЕЦИАНСКОМ МАВРЕ ДЛЯ Л. Г.

1. Я вижу город между туч.
Его пасёт зелёный луч,
Как стадо потное волов.
Я вижу россыпи голов.
2. Я вижу город между туч.
Его несёт зелёный луч,
Как черепаховый гребёнь,
Как сладку косточку — кобель.
3. Я вижу, ты сидишь одна
У рассечённого окна,
Сухие выпучив глаза,
Как стрекоза.
4. В твоём лице глагол *приятъ*
Оставил тёмную печать.
Жестка закрученная прядь.
Ты за ухо её не прячь.
5. Сиди. Так нужно. Не вставай.
Чужим руки не подавай.
Но повторяй и повторяй:
(Пришли слова из-за морей):
«Thou art to die»*.
6. Ах, обезьянья ты башка!
Подсыпать мог бы порошка —
Или, пронзив между грудей,
В канал её — под визг блядей.

* Othello, V, II.

7. Но нет: ты явен, как чума.
Я вижу — спальня, полутьма,
Там, за окном — гнусавый плеск.
Под балдахином — гордый блеск
Её тягучей белизны.
(Подите прочь, бывшие сны.)

8. Кто ревности не знает, тот,
Кто ревности не знает, вон!
Кто ревности не знает — лжёт.
Кто ревности не знает — вор.

(Поди пойми, где явь, где сон.)

9. Ты ложь моя. Ты блажь моя.
Ты сонм сестёр. Ты свод зеркал.
Открытка от небытия:
«Куда пропал?»

10. Могла бы стать объектом ласк.
Там, за окном, гнусавый лязг
Воды о чёрный парапет.
Твоё лицо — мой белый цвет,
Мой белый мёд.

11. В него попавший муравей,
В надежде сладости твоей
Всё потерял я, что имел,
Но как же бел!

Платочек твой
Глоточек твой

Глоточек воздуха тяжёл
Прими его из верных рук

К тебе я шёл к тебе я шёл к тебе я шёл
Мой друг

ИМЕНА ГОРОДОВ. KARA

Мне досталось сегодня немного тепла,
Как снегурочка я над землей протекла
К удивлению бабки и дедки.

Тучка-тучка, а вовсе не чёрный квадрат,
Я летела над сном массачусетских хат,
Где машины живут и объедки.

Я летела над сыпью пустых городков:
Чикопи-Ничевог-Агавам.
Самый мёртвый из правивших здесь языков
Дал родиться клыкастым словам.

Я летела над чёрною связью дерев,
Занесённых над серой травой.
Там река издавала мучительный рёв
Чуть подальше — отчаянный вой.

Как зовут вашу реку? Коннектикут. Врут.
Имя ей — разложившийся вчернь изумруд
В блеклой пене и мутной парше —
Как прелестница с мёртвым ребёнком в душе.

Как зовут вашу зиму?
Никак не зовут.

8 ноября 2006

ФУГА НЕВИННЫХ / FUGUE VIRGINIA

As you sip your brand of scotch,
crush a roach, or scratch your crotch,
as your hand adjusts your tie,
people die.

Joseph Brodsky, Bosnia Tune

Что-то мне нехорошо,
Что-то мне нехорошо,
Мне гонцы приносят вести:
Мне от них нехорошо.

Вести тащат мне гонцы,
Полны красным их ларцы,
Жидкость красная хлопочет.

Ах, какие молодцы.

Уходите, не могу.
Слышать, видеть не могу.
В моей норе ни зги не видно:
Не желаю видеть згу.

*Чтобы ты там ни пивал,
Кого бы ты ни раздевал,
Как бы носом в результате данных действий ни клевал,
Где б ты ни был: там иль тут,
Люди мрут.*

Где б ты ни был: тут иль там,
Чьих бы букв своим перстам
Ни внушал и чьих бы звуков ни вверял своим устам,
Повторяя — Изумруд!
АХ ПРИНЦЕССА ЗУМУРУД

В душной давке пазолини,
Повторяю: люди мрут.

И повсюду. В тесноте.
В тесноте и темноте.
В тесноте да не в обиде.
Всё же чаще — в пустоте.

Где же спрятаться, скажи,
Да всю правду доложи?

В переводе, в переводе,
В мире стройной, плоской лжи.

Здесь не видимый никем,
Здесь не ведомый никем
Ты укрыт от вести-смерти
Её же дряблым языком.

В переводе ты Кощей,
Перепрятана игла.
В переводе ты ничей.
История из-за угла
Не выскочит с топором,
Приговаривая: мгла
Вас всех прикроет животом,
Вас всех оставит на потом.

В переводе вести нет
Ночью в кухне жёлтый свет
Извергается, моргает,
Кот от папы рыбки ждёт.

Скорость света такова,
Скорость слова такова, —
В переводе не доходят до тебя мои слова.

Что?
Не слышу!
Слышу мглу.
Рыбка бьётся на полу.
Тёплый ветер выметает благотворную золу.
Королевич — ах! — ломает патефонную иглу.

ИЗ ЭМИЛИ ДИКИНСОН

Я есть никто, но кто есть ты?
Уже глаза полны-пусты,
Уже спешат из темноты
Дороги взмокшие кусты,
Амбары, жабы-желоба.

В них ночь рокошет и гремит.
С ночного я стираю лба
Дневных взбухание обид.

Кто ты? О нет, не говори.
Подслушивает нас земля.
Как жаба — булькает, кипит —
Похлёбка будничного зла.
Горячим брызгает в лицо,
Заслышав: *кто есть я?*

Как беззащитна на тропе
Лежит лягуха, как бессты
Дна весть любая о тебе,
Что искажает Я БЕЗ ТЫ.

СЦЕНА

Пошла Анна за водой,
А там сидит молодой,
Трясёт чёрной бородой.
Он не просто так сидит,
Он не то чтобы сердит,
Он за пятнами заката с напряжением следит.
Вот с каёмкой золотой —
Словно рублик золотой —
Проплывает дымный призрак,
Обожжённый кислотой.
Вот огромный как пчела —
Квинтэссенция тепла,
Клок измученного солнца,
Выгоревшего дотла.
А за ними по пятам —
Чёрный здесь, зелёный там,
Реет блоковский гуляка, гумилёвский капитан.
Тёмно-ржавая жара,
Крошки сена, мошкара,
Анна воду льёт на ноги из тяжёлого ведра.
Анна чувствует сюжет,
Прядку рыжую грызёт,
Рыжий луч по рыжей шее,
Словно муравей, ползёт.
Вот уже и темнота
Красной струйкой изо рта
Льётся с неба к ним на лица.
Так подводится черта.
В чём значенье наших встреч —
Знает речка, знает речь,
Нам лишь помнить, да не помнить,
И незнание беречь.

БАЛЛАДА ПОЭТА Л.

Я встретила его однажды —
Он был похожий на крота,
С невнятной загогулькой рта.
Сгорая от духовной жажды,
Я устремила на него —
Он уклонился, как от пули
Солдат в полдневный жар в Кабуле,
И не сказал мне ничего.

Да нет. Чего-то он сказал.
«Так это Вы и есть...» Замялся.
Как хищник на ошмёток мяса,
Я так смотрела на него.

Я думала — ты тих и робок.
Ужо тебе — благослови!
Реки: о дева, резвый отрок,
Дитя осмысленной любви
К словесности российской мощной,
Прими сей лавр из дряхлых рук...

В час ядовитый, полунощный,
Когда домой к себе паук
Ползёт, на ужин выпив муху,
Ползёт — и к жабе под язык —

В тот час — его смешную муку —
Переложить на наш язык —
Тебе, дитя, пре-по-ручаю!
Тебе-тебе — кому ж ещё!

Я ж плачу. Головой качаю.
Слетает перхоть на плечо.

Но ничего он не изрёк.
Так, посмотрел: «И вправду, дочка...
Ну он даёт... Забавно... Точка».
И на трибунку вспять потёк
Бессмысленный читать доклад.

Шмелёк гудел, лоснилась шкурка,
С гремучей жидкостью мензурка —
Сутул — устал — подслеповат —
Над залой реял мой божок.
За всё пред всеми извиняясь,
В смущеньи к тексту наклоняясь,
И желчью новой исполняясь,
Как болью — свеженький ожог.

И я смотрела на него
И думала — пока ты длишься
— Мы все ещё не пепелище,
Для нас и в нас не всё мертво.
У нас есть счастье быть во вре,
Совре — томиться в серебре,
Тесниться в скромненьком окладе
Контекста скорбных трёх веков.
Просить о рифме и пощаде
Жеманных дам и стариков
Надменных. Потому что этот
Живой как мышца языка,
Как кость нам брошен напоследок.

Как полночь — сер,
Как уксус — едок.

Мы живы — держит нас как слиток
Его несильная рука.

ПИСЬМА О РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Письмо первое

Клёкот одного, распадаясь, прорастает в клёкот другого:
Золочёный павлин в эрмитажной клетке распускает хвост.
Я лежу на полу своего кабинета, на коврике,
Слушаю записи Бродского тридцатилетней давности.
Каждое слово
Пронзает мне темя, как капля туши в китайской пытке.
Воздух вокруг потрескивает, как заледеневший хворост.

Было время — процветала.
Было время — отцвела.
Было время — шум металла,
Лязг крыла.
Я тогда его искала.
Я ещё его ждала.

С влажной площади Святого
Марка бледные картинки
Я хранить была готова
До Пришествия Второго,
До пришествия такого:
В истлевающей корзинке
У морской печальной свинки
В лапах бусины Мурано.

День за днём
Жил во мне волшебный голос.
Дурно пахнущая рана
Тинтажельского пришельца. Всё о нём!

День за днём и год за годом
За окном покрытым пылью

Я ждала морскую свинку
С чёрной бусиной в руках.
Я по Птичьему бродила с пяточком в кармане рынку,
Я везде её искала, находя ужей и птах.

Влажный запах от Мурано,
Влажный голос от Сан Марко
Не нашли меня, как письма — заблудились кое-где.
На одном из них зияла с золотым павлином марка,
На другом обратный адрес — чудный росчерк «быть беде».

Я любила их обоих той особенной любовью,
Что приходит — истощает — рассыпается во прах.
Нынче — имени не вспомню. Даже тома не открою.
Чёрен жемчуг из лагуны в разложившихся руках.

Письмо второе

Фурункулёз-молчанье-мерцанье простыней —
Унылая колбаска за 18 су.
О чём ты ночью думал? Я думал вновь о ней,
Как я её на море зелёное везу.

Как нападают волны на узкие ступни,
И вот подол у платья уж каменно тяжёл,
И дождь вот-вот начнётся, и дождь уже прошёл:
Мы на песке холодном полулежим, одни.

Как будто ты — морская, погибшая звезда,
Ещё часа четыре, ты будешь вонь и тлен.
Но в этот миг последний, ещё твои глаза
Прозрачны, я сметаю песок с твоих колен.

Но в этот миг последний прохладного родства
Никто не разлучает, не изучает нас,
Пока нас не пронзили весёлые слова,
Я дёргаюсь, как лещик, в чаду твоих гримас.

И знаешь, я разлуку с тобой переживу,
Женюсь, куплю колбасок, к Алдановым зайду.
Как шевелятся змеи невидные во рву,
Как шевелятся тени неслышные в аду,
Так иногда лишь будет морочить и казнить
Твоё исчезновение зловонной немотой.

Когда ж Антропос-сучка разрежет эту нить
И под язык положит мне рублик золотой,
Когда в своих журнальцах заголосят навзрыд
Такие же бедняги, как были мы с тобой,
Не принимай, родная, условно-скорбный вид,
А поезжай туда, где, под дымкой голубой,
Кричат торговцы рыбой и тарыхтит прибой.

Письмо третье. Далёкие вещи.

Виктории Швейцер

Как набухшая Муром Марина,
Время рассеянно нижет и распускает петли.

Помнишь — чахлый рассвет, Ай-Петри,
Пухлый капризный Макс,
Мелкий песок из степи.

Как Марина своих адресатов,
Время нас забивает в цепи
Одномерности чтения.
Что ты здесь видишь? Шоры,
Шторы творения.
Снег. Мокропсы, Вшеноры.

Из тумана выходит не ёж,
Но каштан или бук, в свинец обмакнувший ветви.

Помню петли на соколиных лапках.
(«Мне неохота больше» — «Кому охота?»)

Всё, что я помню, я прочитала.
Где-то, кто-то.

Невозможно помнить и понимать без учебника, без сравнения —
Как (допустим) Марина
Что это значит? Где я
В этой фразе? Тень ли
Столетней давности
Так длинна, что пускает корни,
Или душа, живущая в никотиновом горьком горле,
Столь труслива, что жаждет костылей, кислородной маски,
Поддельного паспорта, на ночь сказки?

Я проживаю в забвении, в пыльном замке,
По стенам в паутинах — прадедушки, куртизанки
С чередой подбородков, плешивые детки, сучки
Поднебесных кровей. Над всеми режутся тучки.

И всегда есть надежда, что если позлее вдарить
В нежное место портрета, вдруг —
Искажится образ, раздастся звук,
Отверзнется вход подземный — в память.

Как сад запретный пред Алисой,
Откроется опасный слой.
Сидит волшебник темнолицый
С своею ящерицей злой.
И говорит — Взаправду хочешь
Сюда войти? Вернёшься вряд ли.

Чего, волшебник, ты бормочешь?
Чего, волшебник, ты хохочешь?

Уж сам — я думаю — не рад ли
Вернуть меня в мои владенья,
Где всё горит и говорит
Со мной.
Как ночь стыда болит
И, как сирен безжалостное пенье,
Мгновенье
Лёгкости сулит.

ОДНОМУ СОБЕСЕДНИКУ

О нет, я не хочу, чтоб пали мы с тобой
в объятья страшные.

Александр Блок

О да, естественно — лишь этого хочу:
На голосе твоём сознание кипячу.
Твоим умом себя ласкаю и пытаю.
Как том тебя треплю, как фильм тебя кручу
И по губам твоим молчанье снов читаю.

В тех кратких, блеклых снах меж нами нет меча,
Мы не разделены ни смехом, ни законом.
Как раковый больной на резкий жест врача,
Ты укоризненным мне отвечаешь стоном.

В тех долгих, хладных снах ты движешься ко мне.
Ты приближаешься, чудовищен и жалок.
И крылья серые трясутся на спине,
Как лжеготический эквивалент поджилок.

С прелестной, сдержанной улыбкой палача
Ты надвигаешься — «такая, мол, работа»,
И пьёшь живую кровь, волнуясь и урча,
Пока тебя всего не сотрясает рвота.

Твой механизм есть сон. Он хитрый, он иной.
Бойтся света дня, бойтся жара тела.
И что там у тебя темнеет за спиной,
Вовек не знала б я и знать бы не хотела...

Допустим, там крыла. Пылают их края.
Допустим, там слова. Они непобедимы.

Нет, за тобой лишь тень. Но эта тень есть я.
Ко мне текут слова, толкаясь, словно льдины,

На мартовской, густой, на вспученной Неве.
Слова спешат ко мне — я предаю тебе их.
Ты растворяешься с добычей в синеве.
Я остаюсь лежать среди тушек онемелых.

Ты кровь открыл словам. Ты разорвал уста.
Всё ради жадных снов и производства смеха.
Волшебные тебе откроются места,
А здешняя земля безвидна и пуста.
Лишь скачет между скал весёленькое эхо.

ДОБЫЧИН В БРЯНСКЕ

Кате Капович

I

Ступай моя тёмная юность
Ущербность надменность угрюмость
Оставлю четыре затяжки
Для Сонечки в летнем пальтишке
Для Лёнечки в мятой рубашке

Оставлю китёнком кутёнком
Себя в вытекающем небе
Из солнца: в хрипении тонком,
Известный младенец во хлеве
Не так ли бибикал и пукал
Под сглазом разряженных пугал?
И млела звезда, догорая.
Прощайся, моя дорогая,

Престольная юность: мне время
Отправиться к месту служенья
Чему-то, там в праздничной дрёме
К земле прислонились растенья
Как после любви, рассыпаясь
Кипящей смолой, как слюною,
Где рано наставшая старость
Моя да присмотрит за мною —

Как сонный пастух с миской тюри,
Как сонный пастух с банкой водки —
За стадом, застрявшим в июле,
Как муха в рыжеющем тюле.

И вместе со мною погодки,
Прелестные важные тени,
В молчаньи сойдутся у рек.

Втащив дочерей на колени, —
Как Рерих негодный изрек,
Мы станем глядеть на восток.

II

Учись смирению. Учись небытию.
Учись отсутствию — и всякому такому.
По дыму сладкому, по шуму городскому
Не вой, отступница, иди корми семью,
В ночи под покрывалами семью
Мечтай о том, как по дорожке к дому
Креститель катит голову твою.
Вдоль водочных ларьков и дряхлых клумб,
Приветливо загаженных беседок,
Как в море заблудившийся Колумб,
Креститель — мой спесивый собеседник —
Толкает ком, втыкает кол главы
Скорее заключительной по смыслу.
В слова мои вцепился он, как в крысу
Вцепляется ночная тень совы.

Я крыса из Колумбова бедра,
Из губ Крестителя, я — серая на сером.
Я — выдранная скальпелем беда,
И город мой своим хвалёным телом
Саднит и дразнит, — ярким никогда.

И клонится напрягшаяся шея
Иродиады, и слюна стыда,
Как змейка, выбегает изо рта:
Учи себя сомнению, Саломея.

III

Резкость первой половины лета,
Двойственность жеманная второй.
До чего я твёрдо помню это!
Полоса разорванная света
Борется с лиловой полосой
Сумерек, свинцовой росой
Напитавшись, рвётся сигарета.

Спать пора: и детям, и зверям,
И духам болотным, и царям,
Ну-те-ка в кроватку на бочок и молчок!
Но не спит июльский светлячок.

Что же ты не спишь дружок,
Света белого кусочек?
Вот и свиделись разочек
Мы с тобою на земли!
Друг на друга посмотрели,
Словно мы достигли цели,
Посмотрели и пошли.

Ты по воздуху пошёл,
Вздрагивая и хромая.
Нервная и непрямая
Линия, среди чёрных тел —
Пятен ночи — ты пунктир,
Отмечающий докуда
В свете ж есть такое чудо!
Отмечающий куда —
Мне идти в надежде видеть
Хоть недолго, хоть на миг

*Знать дышать и ненавидеть
Знать бежать и ненавидеть*

Мир вдоль бедных озарений ослепительных твоих.

IV. Le Sang D'un Poete

У людей наступает сезон вещей
Шёлковых льняных воздушных
А у нас наступает сезон клещей
Лукавых и малодушных

Они хотят обагрить твой скаल्प
Как граф Карпат или дива Альп,
Лени с её ледорубом.
Бредёшь под лиственным ты плащом,
И опца — встреча твоя с клещом
Готовится, как с суккубом
В ночи соблазна...

.....
Бредёшь и в шляпочке, и в плаще,
Но знай — защита твоя вотще,
Повсюду и отовсюду
Он ждёт, он бдит, как советский текст,
Он ждёт ТЕБЯ, он других не ест,
Он вымыл уже посуду
Заради праздничка, он готов
Глотать твою, надуваясь, кровь
И быть как воздушный шарик
На чёрной ранке моей
И плыть
Над бледной кожей...

Азарт и прыть! (Паяцы! I Futuristi!)
Заметны в нём — так бирюк Бурлюк
(звезда во лбу) нагнетал свой трюк,
Гуро умывала кисти
И мяла мягкие кисти рук,
Давид клокотал о мести,
Гудел двухметровый друг
И делал поутру крюк
Вдоль Карповки.

Ржавая кровь реки
Мешалась — гуашь — с закатом —
Чтоб выплеснулась в тридцатом
Поэта кровь.

На Выборгской — стонущие гудки.
За Ботаническим садом
Надуваются поплавки.

ОХОТНИКИ НА СНЕГУ

Возвращение в зиму
После девятилетней разлуки
К затвердевшему гриму.

Как натянуты луки
Смертоносных ветвей —
Словно брови надменных красавиц
(так их робкий описывал Гоголь).

К разговору о птицах:
Дубонос, величавый красавец,
Расточительный щёголь,
Ослеплять моих ближних
Своим опереньем
Прибывает, алея.

Девять лет пролетели тепла,
Упоительных лишних,
Пряно-пахнущих, словно аллея
Парка с диким названием Золотые Ворота,
Где присыпали землю лепестки и надбитые шприцы.

Девять лет лепестковой метели, цветочного тёмного пота,
Но теперь всё обратно: железные ветви, и птицы
На железных холмах
Различают охотников трёх
И тринадцать собак, что спускаются с ними в долину:
«Кривозуб! Попугай! Пустобрёх!»
Как вас там... Вот охотник на узкую спину
Водружает свой лук и стремится по жирному снегу

Через треснувший луг
К ледяному подножью холма,
Где на мёртвую реку

Выливаются рыжие, жёлтые, синие струи заката,
И охотник хрипит: возвращение в зиму. Зима
Хороша, как когда-то.

ПРЯМОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Isaiah 44:2

И сказал Иакову:
Не бойся никого
Не верь никого
Кроме одного

Буду Бои буду вздох
Буду Бог я поток
Ты — семя моё
Я время твоё

И сказал Иакову:
Будешь мой.

Пой:

Не верю никому
Не боюсь никому
Только одному.

Я твой гость
Ты мой счёт
Ты всё то, что течёт
Я всё то, что растёт

Я — твой рот, твой род.

Пусто мне и во мне,
Везде солнце, камни,

Ящерицы на стене
Тужат обо мне,
Черноптицы в вышине
Кружат обо мне.

Кто же это, кто же тот,
Кто идёт ко мне?

Al tiro avid Yaков:
Не боюсь никого
Не смеюсь никого
Не верю ни в кого

Кроме Бога одного.

II

Не поддавайся безумию, бедная П.,
Как бы оно ни пленяло тебя, ни пеняло тебе,
Как бы в волнительной, пёстрой, щербатой толпе
Ни обращались, ни щурились милые А. и Б. —
Ты оставайся сидеть на трубе.

Как бы тебя ни заманивал Эдгар-другок
Встать в гуттаперчевый, нерасторжимый кружок,
Где за фантомом, мудями звеня, пастушок
По коридору больницы бежит в гуттаперчевый рай, —
Эта прохлада сулит с волдырями ожог,
Ты уж двойным управлениям не доверяй.

Не ковырай опрометчиво смысла бессмыслицей, не
Жди откровений в мистических псевдоночах.

Строгая явь не оставит тебя в тишине
С вздутыми венами на непослушных ногах,
С вздутыми веками на непослушных глазах —
Всё от гляденья в себя, от гляденья сюда,
Слёзы усердия, как по Фонтанке мазут,
Слёзы стыда и стыда и стыда и стыда
С радужным брюшком ползут и ползут и ползут.

Гордые плоские формы предстанут тогда.

Всё, что тебе обещают иные миры, —
Рак наслажденья, познания продольный разрез, —
Слеплено из подгнивающей чёрной дыры,
Из выделений её ненасытных желез.
Скушен и скушен промис-
куитет: мол, не вышло с одним, так с другим
Ты измереньем возляжешь и ну, погонять.
На массачусетских ярманках старенький мим
Жесты пресыщенных злобных детей повторять.

ИЗ ДНЕВНИКА С.О. (1941, Ленинград)

Голова Антиноя на тулове стегозавра
Мама мама что с нами будет завтра
Из Ключевского каша из Карамзина котлеты
Воду приходится брать из леты
Город украсили яркие нечистоты
Город окрасили пламенные пустоты
Наш капризный кот Керубино перед тем как мы его съели
Стратегически долго лежал в постели
Под одеялом смотреть на нас не желая
Не говори об этом, ты стала злая, злая!

Вот этот камушек есть памятник ему.
Вот это облако, окурок, лютик, пёс —
Всё, что с собой он взять не мог во тьму,
Хоть до последнего не жаловался, нёс.

Вот это дерево, сортир, скамейка, мак —
Весь мусор ужаса, отчаянья дерьмо,
Я, расфуфыренный, самодовольный маг,
Несу тебе — валяй, смотри кино

Вещей, которые резвятся, как во сне:
Подмигивает смятое пенсне,
Кастрюлька хрюкает, будильник правит ночь,
Корябает огрызок-карандаш:
Владелец наш, кормилец наш, поилец наш,
Тебе и рады бы помочь —
Не знаем как.
Вот этот камушек тебя последний знак.
Не-восклицательный. Заноза. Зонтик. Злак.

МИМЕСИС

В понедельник
Вхожу в свой офис,
Обнаруживаю:
Ко мне
Пыталась добиться птица.
Оставила на окне
Силуэт, отпечаток,
Щепоть дерьма.
Биографии не слишком сухой осадок.
Кутерьма
Оброненных в спешке гибели пёрышек.

Но если и этого притязательному исследователю мало,
Прижмёмся лицом к стеклу,
Посмотрим вниз.
Вот здесь она пала,
Вот там её кто-то сосал и грыз.
Вот тогда она стала под воздействием ночных рос
Светлее песка, определённой металла.

(Ты всерьёз это? Ты всё это всерьёз?
Ноль эмпатии, щепоть любопытства.)

В офис, стрельнуть сигарету,
Входит коллега,
Профессор истории искусств.
Вот это да, — говорит. — Между прочим,
Пуссен именно так понимает Лету.
Прозрачная плоскость.
С обратной для нас её стороны — всё то, чему слов нету,
а значит, сострадания нету.
Есть собственное страдание
по поводу неадекватности средств описания,

Есть искус
Обращения к мело-
Декларации — «вот лежишь ты, блёклый кусочек мела,
Ещё недавно пела, смеялась, пела,
Была любезна органам наших чувств.
А теперь: ни то ни сё, не тело, но оттиск тела
На пластине зрения прочерчен сухой иглой».

Чужую боль (Монтескьё шепнул) переносит каждый.
В то время, как за стеклом некто сжигаем мглой,
Как, допустим, завистью или жаждой.

ПИСАТЕЛИ МЕЖДУ СОБОЙ (водевиль)

Жуковский называл Батюшкова попенькой
Батюшков называл Жуковского жуком

Проявляется образ: лохматый, плохонькой
Попугайчик наклоняется над насеком-ым,
Ком в горле переживая при проглатывании его слов.

Слова жука — округлые, заводные,
Слова попенки — неверные, водяные,
Тузя, поглощают друг друга,
Разрастаясь, как холмики мёртвых тел,
Из-под которых Батюшкова извлекли
После сражения при Гейдельберге
(сам он оттудова, вероятно, вылезать не хотел).

Слова слипаются как глаза,
Как мёдом намазанные или кровью, или дерьмом,
Покуда их производители-носители
Любуются-любятся, наполненные-пленённые
Разнородностью словородных механизмов друг друга.

Слова наполняются словами
Как водой, как радостью, как зерном,
Покуда не надуваются как мошны: важно, туго.

И тогда наступает предел насыщения,
В воздухе проносятся молекулы отвращения.
Что ещё вчера умиляло-тиранило,
Как родинка на желанной шее,
Сегодня подкатывает к горлу рвотой.
Что было лаской, было работой,
Становится телом врага, разлагающимся в траншее.

Пишет жук попеньке: нагляделся я на тебя:
На нервное узкое личико,
На метафоры, в панике мечущиеся по строке.
Более мне у тебя перенять нечего.
Покидаю тебя — остаюсь твой. В горсти
У попеньки — пепел письма.
Его письмо упрощается, укрощается,
Вращается, как снег, как холодный песок.
Жуковский прощается, Вяземский прощается,
Пушкин прощается.
Попенька по комнатке — прыг-скок.

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Пионерский лагерь «Юный дзержинец» —
Испанский сапог, хрустальный зверинец.
В старших отрядах тиберианские оргии после отбоя
(так шепчут в младших отрядах):
Портвейн, пионервожатые
 в соблазнительно-непрактичных нарядах,
Белое, голубое,
Алое на груди: шматок плоти, кусок цвета.
Малыши разгадывают — чем это там
 занимаются до рассвета.

Мне восемь лет. Утешение — дырка в заборе,
Море черники, а также море
Воды безупречно блёклого толка.
Можно смотреть на неё не просто долго,
Но всегда, с понедельника до субботы.
Километры военного шёлка,
Чаек истерические заботы.

Вот воскресенье. Меня посылают дежурить на вышку
Возле главных ворот.
Энергический разворот —
Феликса змеиный профиль.
(Поскольку рифма освоена — условимся, Мефистофель
Предлагает Фаусту революции блаженство —
 отведать кровки.
Фауст заинтересованно сдвигает редкие бровки.)

Посылают дежурить на вышку.
Оттуда — вид на дорожку.
По ней попроведать крошку
Поспешают родители, везущие банки-склянки.
Жирно, сладко, наваристо. Как у мамки.

Поспешают к другим
И тащат другим.
Я торчу на вышке.
Игнорирую сердобольно предлагаемые излишки
Калорийных даров. На, попробуй — жуя, предлагает Таня.
Не могу — раздувается атомный гриб в гортани.

Где она?
Рыжеволосая, лёгкая, сшитая из закатной пыли
(может ли быть, что меня забыли?).

Нет — идёт
Походкой моря, пыльцы, усмешки,
Походкой пешки,
Знающей, как пробиться в дамки.
Сладко. Нежно. Тепло. Как у мамки.
Я обнюхиваю её, сухую, словно сучок горящий.
(Такая — может быть настоящей?)

Такая придумана мной в горести на дежурстве.
Гладит задумчиво мой гладкошёрстный,
Медсестрою бритый затылок (в «Юном дзержинце»
ретивы вошки).
Такая только приснилась мне на проклятой вышке.

Вечное расстояние с высоты ожиданья
Сильнее, чем обретенье, страстное бормотанье,
Сильнее, чем прелесть встречи, чем горсть привычки.
Вот она уж обратно направляется к электричке.
И рыданием острым, только к утру — усталым
Содрогаюсь под тоненьким одеялом.

БАЛЛАДА ВИКТОРА ШКЛОВСКОГО

Победитель входит в город
Город жив и город мёртв
Как мне нужен как мне дорог
Искупитель городов
Искуситель городов

Он бритоголов он страшен
Росточком невелик
Но тиранам чёрных башен
И тиранам красных башен
Кажет он язык

Язык его упрям
Язык его трям-брям
Нарядная брань-брань
Языку пламени подобно бежит по девичьим кудрям
По кедром по ветвям

Победитель весь из ран
Весь открытый как экран
Дай мне раны окропить
Дай из них мне пить

Победитель-расчленитель
Выезжает в город-шум
Тайных форм определитель
Выезжает в город-ум

Он от бабки ушёл и от дедки ушёл
Он гэбухи убежал
Он по финским льдам бежал
Он Аврору Бореалис крепким животом держал

Был в Берлине нелюбим
В Питере — нелюдим
Был в Москве кой-кем храним

Я хочу быть с ним!

Победитель входит в город.

СДЕЛАННОСТЬ (*городские картины*)

Разъяснительное вступление

Жена художника Ph была вероятно очень лёгкая
Это вероятно и позволило ему
Перенести её через весь город на руках
Когда она упала в обморок на остановке трамвая
По дороге в Кресты на свидание к двум своим сыновьям —
Петру и Алексею.

Ему сказали, что она в больнице
Он поспешил туда и вынес её оттуда
При этом остановился отдышаться только единожды
На мосту через Карповку.
Так и бежал через город с Екатериной Семёновной на руках.
Она всё же была очень лёгкая: от возраста —
На двадцать лет старше художника Ph.

«На двадцать лет старше! На двадцать лет старше!»
«Он называл её Дочка, а не по имени!»
Он называл её Дочка, а не по имени!»
Восклицает недоуменно сестра художника —
в своих аккуратных,
Несколько простодушных воспоминаниях.

Монолог художника Ph на мосту через Карповку

Дочка
Моё дитяtko притомилось намучилось
И спокойно спит а верный Паинька-Панька
Убрал комнату сидит читает работает
Всё получит дочка, что Панька ей обещал.
Рядом с тобой я похож на восковую куклу
аляповато сделанную.

С ослепительно ясным лицом, в ослепительно платье зелёном.
Я смотрел на неё и не слеп. Я смотрел на неё и смотрел.
(как подобает влюблённым,
охваченным страстью — смотреть).

Екатерина Семёновна, смерть отступает под натиском взгляда.
Я смотрел на неё через праздничный радужный лёд.
И не слеп, ожидал — скоро мой подвернётся черёд.

То ли крыша стяхнёт ослепительным ветра касаньем,
То ль снарядом слизнёт,
То ли я угасаньем
Закончусь и здесь же останусь стоять
Словно куб ледяной,
Словно столб соляной,
Словно дочка Содома,
И смотреть с высоты небольшого кирпичного дома
Как кубы ледяные повсюду чернея горят.

Прогулка

Дочка Екатерина Семёновна,
Будь мне милостив для Б-га ради
Прими рука золотой печати!
Пойдём с милой гулять в Летнем саде
Там при входе там при ограде
Хронос времени Б-г
Кладёт на зубок
Мягкостенных деток своих
И чмок и шпок и бултых.

Я твой слуга — дай мне вид.
Для тебя я всё примет.
Дай мне вид сверху, дай имя —
Ветренное, неугомное, переменное имя твоё.

Не ухватить — расползается — как парик,
как насекомое, как бельё
Пиковой Дамы — двуликой графини,

Раздевающейся перед Германном — ах, я дурная девочка,
Я всё истратила.
Я проиграла серебряную папиросницу!
Отныне
я не взгляну на тебя, мой горестный щёголь-убивец.

Екатерина Семёновна
Старенькое прикрывает лицо —
Пойдём гулять, Панечка, мимо канавок-каналов.
Я все морщинки города тебе покажу.

Эпилог-диалог

Глебова Первая

Да, я его сестра
В том смысле,
Что я его читаю мысли
С вечера и до утра.

Я прихожу, слезу, он спрятан за мольбертом,
В его лице насторожённо-стёртом
Внимание и холод,
А глаза его не отдыхали никогда.
Он никогда не отдыхал,
Журналов много он читал.
Он может быть бы и не умер никогда,
Когда б своей жене не отрывал
Воздушные кусочки.
Всё говорил: «Зачем же мне, уж лучше — дочке».

Глебова Вторая

Да, я твоя сестра
В том смысле,
Что я твои читаю мысли
С вечера и до утра.
Но я тебя пережила
Седьмого декабря.

Я прихожу к нему пить чай,
Я приношу ему кружочек лука, кубик мыла.

На Серафимовское
Я хожу к нему.
Мне 90 лет.
Я говорю ему: смотри, сегодня свет
Как грязная вода неравномерен — то застывает, то течёт.

Он сердится — а я-то был в тебе уверен!
Смотри внимательней!

Эпилог-монолог

Ну а ты-то здесь при чём?
Я? Совершенно ни при чём.
Панечка, ты вероятно
Что ли в краску влез плечом;

Теперь вот синее плечо,
Теперь вот белое плечо
В сумерках сверкает бледно,
Мерцает горячо.

Панечка, ещё, ещё —

Для меня твой город-смерть.
Для меня теперь отверзт.
Б-г не выдаст.
Б-г не выдаст.
Свинья младенчика не съест.

Автор приносит благодарность соавторам: Павлу Филонову, Евдокии Глебовой, Татьяне Глебовой, а также поэту Саят-Нове, произведшему в конце жизни восемь стихотворений на удивительном русском языке.

ОКТЯБРЬ В КЕМБРИДЖЕ

Бездомный, спящий возле Чарльз-реки,
Что сны твои — размеренны? Легки?
Как вёсел монотонные шлепки
Нарядно проплывающей галеры
Команды Гарварда. Им в рупор: «Налегай!» —
Орёт учитель скорости, бугай.

Ты близ волны как мокрый попугай
Притих — и треплют разум твой химеры,
Но бережно: разлился по устам
Улыбки пар, так озорник Тристан
Лежал, благоухая и воняя.
Туман сочился — набухал рассвет.
И тишина, как скатерть свежая, льняная,
Стыдливо покрывала рану вод.

Тристан свою судьбу умел и знал,
Да вот как ты — беспомощный лежал,
Перехитрив себя, а не лисичку-
Смерть, что просит («глуховата...») подойти.
И — хряп, наружу нет пути.
Ползи, лети, черти
Заместо имени встревоженную птичку.

Без имени, без тела, без лица,
Но с одеялом, с пяткой, с бородою —
Лежишь над разноцветною водою.
Изольда белорукая, завидев пришлеца,
Кричит так тоненько, и яркий тон её лица
Сливается с кипящею листвою
И претворяется.

КОНФЕРЕНЦИЯ

О чём доклад-то? Нет, о ком.
Ты с ним сцеплялась языком,
Его излом тебе знаком
И запах, и ленца.
Согласно тезису, он — б-г,
А для тебя: дымок, клубок,
И левый бок, и правый бок,
На языке — пыльца.

И следующий кто герой
Софистики с дырой,
В которую течёт порой,
Воня, русский дух?
Нам этот тоже не чужой:
Тут бородавка, там мозоль.
«Глаза мне больше не мозоль,
Волшебный мой позор» —
Он говорил, молчал, горел,
Потом опять в окно смотрел,
Покуда пепел не осел
На белые дома.

Докладчик, типа: «Символ, знак».
Я думаю — скорее, звук,
В моих скребётся он ушах
Как в раковине — мрак.
Звук — бедный выдох, нервный вдох.
Докладчик, мол, и этот — б-г,
Вращатель дивного серсо.

Ну, это всё?

Что — все
Владельцы ваших дум
Прошли мой жалкий будуар?
Шугаясь, поднимая шум, чиня пожар?

Встаёт вопрос: как ты жила?
Ища отравы и тепла,
И с теми просыпаясь, кто творил слова.

Столь колоритно их число,
Поскольку это ремесло
Меня влекло, везло, несло
Туда, где рыщет рифма «зло»
В сомнительной красе.

В семнадцать лет — ты дерзкий волк,
Ты в поросятах знаешь толк,
Циничный Тютчев, смрадный Блок — хранители твои.

А в тридцать лет — ты псарь теней,
Ты — заклинатель змей
Горгоны-памяти: не смей,
Скрывайся, мать, тай,
Что были эти смехачи — ценители твои.

Что ты искала их свобод,
Рукою закрывала рот,
Весёлый слизывала пот,
Ждала в кафе.

Всех утопить — на дно! На дно!
Темно нам будет, как в кино,
И тесно, как словам в строфе,
Когда невнятно переведено.

**ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ:
«НАД ПОЛЬШЕЙ БЫВАЮТ ГРОЗЫ»**

Из утренней застольной беседы

Стою на веранде замка, служившего разнообразным –истам,
Хозяевам в наглаженной униформе. Сокол скользит вниз.
По краешку панорамы в воздухе маслянистом.

Проронить ли слезу:
Зачем я не сокол и не летаю,
Зачем не сокольничий и не пытаю
Сокола шёлковым поводком?

Моя задача строга: я прячусь, я наблюдаю
Как он сливается с небом. Ни о ком
Слезы не проронит сокол:
Лишь о добыче —
О нежнокожей выпи,
О пахучей лисице,
О жирненьком сурке.

Сокол-ангел, закинул колчан за заросшие перьями плечи.
Всё ли ты болтаешься на шнурке
У любящих панорамы хозяев замка,
Или ты теперь всё же немножечко то, что ты есть?
Польша твоя всё та же прелестная косоглазая куртизанка,
Или какая другая весть?

Сокол, ты стоишь надо всем:
Ты видишь малые штуки —
Видишь рек извороты, расплющенных улиц трюки,
Вот восьмилетние подруги
С укоризною смотрят
На заснувшего внезапно на солнцепёке щенка,
Вот монахиня поспешает на поезд,
Вот младенец проснулся, его щека —
Литографический отпечаток мамашиной кофточкой. Повесть

Крошечных невыразимых событий. Святой Франциск
Что-то толковывает огорчённой улитке.

Сокол, заметив это, кидается вниз:
На разноцветные плитки
Полей, огородов, автостоянок — он возбуждён
Своей работой надзирателя,
Своим бескрайним знаньем.

Из костёла Святой Агнешки вырывается звон,
Пилигримы — словно при штурме крепости —
карабкаются на холм —
С опозданием, — умиляется сокол, — с опозданием.

СОДЕРЖАНИЕ

I

Новая Илиада	7
«Я исчезаю по частям...»	9
В ожидании 30-летия	11
Прогулки по Монтеррею	13
Первая Фросина песнь	15
Вторая Фросина песнь	17
Автоматическое письмо тебе	18
Рукопись, найденная Наташей Ростовою при пожаре	20
Маги	22
Шопен	24
Материнство и детство	25
Размышления о Венецианском мавре для Л. Г.	27
Имена городов. Кара	29
Фуга невинных / Fugue Virginia	30
Из Эмили Дикинсон	33
Сцена	34
Баллада поэта Л.	35
Письма о русской поэзии.	
Письмо первое	37
Письмо второе	38
Письмо третье. Далёкие вещи.	39
Одному собеседнику	41
Добычин в Брянске	43
Охотники на снегу	48
Прямое управление	50

II

«Не поддавайся безумию, бедная П...»	55
Из дневника С.О. (1941, Ленинград)	56
«Вот этот камушек есть памятник ему...»	57
Мимесис	58
Писатели между собой (<i>водевиль</i>)	60
Родительский день	62
Баллада Виктора Шкловского	64
Сделанность (<i>городские картины</i>)	66
Октябрь в Кембридже	72
Конференция	73
Вариации на тему: «Над Польшей бывают грозы»	75

В поэтической серии «Автограф» изданы:

- **Б. Ахмадулина.** Ларец и ключ
- **С. Кекова.** Короткие письма
- **В. Салимон.** Невеселое солнце
- **И. Лиснянская.** После всего
- **Ю. Кублановский.** Памяти Петрограда
- **И. Бродский.** В окрестностях Атлантиды
- **Н. Кононов.** Лепет
- **А. Пурин.** Евразия и другие стихотворения
- **Е. Шварц.** Песня птицы на дне морском
- **С. Гандлевский.** Праздник
- **В. Гандельсман.** Там на Неве дом...
- **В. Дроздов.** Стихотворения
- **Л. Лосев.** Новые сведения о Карле и Кларе
- **А. Цветков.** Стихотворения
- **Д. Новиков.** Караоке
- **И. Жданов.** Фоторобот запретного мира
- **Т. Кибиров.** Парафразис
- **Е. Шварц.** Западно-восточный ветер
- **Б. Ахмадулина.** Созерцание стеклянного шарика
- **В. Салимон.** Красная Москва
- **В. Зельченко.** Войско
- **Б. Кенжеев.** Сочинитель звёзд
- **А. Битов.** В четверг после дождя
- **Л. Лосев.** Послесловие
- **И. Лиснянская.** Ветер покоя
- **В. Гандельсман.** Долгота дня
- **Е. Шварц.** Соло на раскалённой трубе
- **Т. Кибиров.** Интимная лирика
- **В. Павлова.** Второй язык
- **В. Кривулин.** Купание в иордани
- **М. Ерёмин.** Стихотворения
- **Б. Ахмадулина.** Возле ёлки
- **Д. Новиков.** Самопал
- **Т. Кибиров.** Нотации
- **В. Соснора.** Куда пошёл? И где окно?
- **С. Гандлевский.** Конспект
- **Б. Рыжий.** И всё такое...
- **П. Барскова.** Эвридей и Орфика

- **И. Лиснянская.** Музыка и берег
- **Л. Лосев.** Sisyphus redux
- **В. Дроздов.** Обратная перспектива
- **Т. Кибиров.** Amour, exil...
- **В. Соснора.** Флейта и прозаизмы
- **В. Гандельсман.** Тихое пальто
- **В. Павлова.** Линия отрыва
- **В. Коваль.** Участок с Полифемом
- **Е. Шварц.** Дикопись последнего времени
- **Б. Ахмадулина.** Пуговица в китайской чашке
- **А. Поляков.** Орфографический минимум
- **Б. Рыжий.** На холодном ветру
- **В. Соснора.** Двери закрываются
- **С. Кекова.** На семи холмах
- **П. Барскова.** Арии
- **М. Степанова.** Тут — свет
- **М. Ерёмин.** Стихотворения. Кн. 2
- **С. Стратановский.** Рядом с Чечнёй
- **А. Кушнер.** Кустарник
- **Е. Тиновская.** Красавица и птица
- **Т. Кибиров.** Шалтай-болтай
- **В. Гандельсман.** Новые рифмы
- **О. Чухонцев.** Фифиа
- **Л. Лосев.** Как я сказал
- **Е. Шварц.** Трость скорописца
- **Д. Шереметьев.** Улика
- **В. Гандельсман.** Школьный вальс
- **С. Стратановский.** На реке непрозрачной
- **М. Ерёмин.** Стихотворения. Кн. 3
- **А. Цветков.** Шекспир отдыхает
- **В. Волченко.** Без охраны
- **Д. Воденников.** Черновик
- **Е. Шварц.** Вино седьмого года
- **Л. Элтанг.** о чём пировать
- **В. Гандлевский.** Некоторые стихотворения
- **В. Гандельсман.** Исчезновение
- **М. Ерёмин.** Стихотворения. Кн. 4
- **О. Седакова.** Всё, и сразу
- **Л. Лосев.** Говорящий попугай
- **П. Барскова.** Прямое управление

Б 26

Барскова П.

Прямое управление. Книга стихотворений.

— СПб.: «Пушкинский фонд», 2010. — 80 с.

ISBN 978-5-89803-204-3

ББК 84. Р7

Барскова Полина Юрьевна

Прямое управление

«Пушкинский фонд», СанктПетербург, 2010

Редактор *Г. Ф. Комаров*

ЛР № 071541 от 21 ноября 1997 года

«Пушкинский фонд»

191186, СанктПетербург, Набережная р. Мойки, 12

ПУШКИНСКИЙ ФОНД